

«НЕНАСЫТНОСТЬ ПАМЯТИ»: НОВОСТИ, СПЛЕТНИ И БЕСЕДЫ В МУЖСКОМ ДНЕВНИКЕ XVII ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сэмюэль Пипс, дневник, сплетни, информация, новостная культура, гендер, Англия, раннее Новое время.

АННОТАЦИЯ: Гендерные аспекты информационной культуры Англии II пол. XVII века анализируются на основе дневника Сэмюэля Пипса, охватывающего 1660-1669 гг. Дневник, содержащий большое количество новостей, сплетен, пересказанных бесед и т.п., является не просто жизнеописанием, но одним из инструментов работы с возросшим потоком информации, обусловленным как переменами в культурной и политической жизни страны, так и изменениями в статусе, круге общения и образе жизни самого Пипса. Он рассмотрен в контексте практики ведения заметок и связанных с ней изменений представлений о памяти. Анализ демонстрирует, что практики документирования, используемые Пипсом, были частью мужской деловой и ученой культуры. Потребность в дневнике в значительной мере была обусловлена «ненасытностью памяти» человека, стремящегося выстроить успешную карьеру и достичь более высокого положения, для чего ему требовалось принимать во внимание большое количество информации. Ведение записей и собирание новостей самого разного рода, включая очевидные сплетни, было мужской профессиональной стратегией успеха. С той же маскулинной культурой деловых кругов Сити были связаны и представления о ценности той или иной информации, а также о достойных, эффективных и уместных способах обмена ею. Пипс стремился к тому, чтобы наладить общение с придворными и высшими чиновниками, собирая и делясь той информацией, которая была востребована в этих кругах, даже если сам не вполне понимал или одобрял эти практики общения, но сведения, которые можно было получить через сети женского общения представлялись ему недостойными забывания для выстраивания коммуникации.

Для цитирования: Стогова А. В. «Ненасытность памяти»: новости, сплетни и беседы в мужском дневнике XVII века // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 54-93. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-54-93

A.V. Stogova

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

ORCID ID 0000-0003-0322-1397

Scopus ID 57200118570

anna100gova@yandex.ru

‘THE GREEDINESS OF THE MEMORY’: NEWS, GOSSIP AND CONVERSATION IN A SEVENTEENTH-CENTURY MEN'S DIARY

Keywords: Samuel Pepys, diary, gossip, information, news culture, gender, England, early Modern period.

Abstract: The study of the gender aspects of the English information culture of the second half of the 17th century is focused on the diary of Samuel Pepys covering the years 1660-1669. The diary, which contains a large amount of news, gossip, retold conversations, etc., is not just an autobiographical text, but a tool for dealing with the increased flow of information caused both by changes in the cultural and political life and by changes in status, social standing, and lifestyle of Pepys himself. It is examined in the context of the practice of note-taking and the associated changes in the culture of memory. The study demonstrates that the documentation practices utilised by Pepys were part of male business and scholarly culture. The need for a diary was largely driven by the ‘the greediness of the appetite of the memory’ of a man seeking to build a successful career and achieve a higher position, which required him to take into account a large amount of information. Keeping records and collecting all sorts of news, including obvious gossip, was a male professional strategy for success. Linked to the same masculine culture of the City's business community were perceptions of the value of certain information, as well as the worthy, effective and appropriate ways of sharing it. Pepys sought to communicate with courtiers and senior officials by collecting and sharing information that was in demand in these circles, even if he did not fully understand or approve of these communication practices, though the information that could be obtained through female networks was clearly seen as unworthy of memorisation in order to build communication.

To cite this article: Stogova, Anna. “‘The Greediness of the Memory’: News, Gossip and Conversation in a Seventeenth-Century Men's Diary”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 54–93. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-54-93

Развитие культуры личных дневников было частью масштабных изменений информационной культуры. Как отмечали Энн Блэр и Питер Сталибрасс, «примерно с 1450 года информация в Европе стала накапливаться в радикально иных масштабах»¹. И дело не только в изобретении книгопечатания, но и в распространении новых практик и способов сохранения и распространения рукописных текстов, главным из которых было распространение и удешевление бумаги. Это позволило многим частным лицам создавать самые разнообразные документы — письма, книги счетов, воспоминания, каталоги библиотек и т.п. Стали возможными и всевозможные заметки «на память», включая дневники, польза которых в разнообразных повседневных практиках, в первую очередь в контексте накопления и сохранения знания, активно обсуждалась в XVI-XVII веках.

Эти изменения имели серьезные культурные и социальные последствия. Пол Довер обращал внимание на то, что в раннее Новое время резко вырос объем и сложность бумажного делопроизводства, что было обусловлено побуждением писать и сохранять написанное, но параллельно с этим в результате освоения практик ведения бумажной работы изменились и сами индивиды, и сообщества, которые ее осваивали: «Европейцы раннего Нового времени приспособивали бумагу для использования в самых разных условиях и ситуациях и, в свою очередь, сами адаптировали свои представления об информации, свои ожидания относительно того, что важно и необходимо, и даже свое восприятие реальности»².

Среди наиболее очевидных следствий — изменения культуры памяти, очень значимые аспекты которых связаны с

1 Blair, Stallybrass. 2010: 139.

2 Dover. 2023: 57.

периодом раннего Нового времени. Распространение практики ведения дневников (среди других повседневных документов) не просто совпадает по времени с этими процессами, но имеет прямое к ним отношение. Представления о функционировании памяти и о том, как соотносятся память и письмо, претерпевали существенные изменения, которые принято описывать как переход от культуры запоминания Средневековья, какой мы ее знаем по работам Мэри Каррутерс и Фрэнсис Йейтс³, к современной культуре документирования. Он выразился в сосуществовании противоречивых суждений о том, как, для чего и какую информацию стоит собирать и сохранять.

Хотя дневники раннего Нового времени в целом связаны с идеей сохранения памяти о событиях своей жизни, связь эта могла быть разной. Многие подобные тексты тяготели к автобиографиям (и часто становились основой для написания таковой спустя годы), в первую очередь они имели целью сохранение информации в долговременной перспективе, в том числе для последующих поколений. Другие имели более тесную связь с культурой повседневных заметок, смысл которых заключался в том, чтобы аккумулировать сведения, необходимые для текущего практического использования. Такого рода записи были в большей степени характерны для мужчин, в школе и университете приучавшихся делать выписки и заметки для выполнения текущих задач. В 1640-х годах Ричард Холдсуорт, глава Эммануил-колледжа и вице-канцлер Кембриджского университета составил пособие для студентов, включавшее раздел, посвященный этому вопросу. Холдсуорт обращал внимание на несколько основных причин, по которым следовало постоянно вести записи в процессе обучения: 1. не стоит полагаться только на свою память, поскольку

3 Carruthers. 1990; Йейтс. 1997.

хотя людям и кажется, что «в настоящее время вещи настолько свежи в памяти, что, кажется, никогда не забудутся, однако они обнаружат, что течение времени новые занятия сотрут их, и, если у них нет памятных заметок, они смогут вспомнить очень немногое»; 2. записывание помогает более полному и ясному пониманию прочитанного и «заставляет вас обращать внимание на многие вещи, которые вы в ином случае упустили бы»; 3. ведение записей помогает бороться с ленью и скукой⁴. В первую очередь Холдсуорт имеет в виду так называемые тетради общих мест, в которые записывались цитаты из разных книг в соответствии с определенными темами, однако он также советует фиксировать на бумаге все то, что осталось непонятным, чтобы позднее проконсультироваться, и записывать задним числом по памяти проповеди, лекции и прочие услышанные публичные выступления⁵. Усвоенная в ходе обучения привычка вести заметки впоследствии пригождалась для самых разных случаев, включая помощь в личных делах и упорядочивание собственной жизни.

Показательным примером дневника, связанного с культурой заметок, является «Журнал» Сэмюэля Пипса, чиновника английского Военно-морского ведомства, который тот начал вести накануне реставрации монархии — в 1660 году и продолжал скрупулезно делать записи день за днем в течение девяти с половиной лет. Как убедительно продемонстрировали издатели дневника Роберт Лейтем и Уильям Меттьюз, сохранившаяся рукопись дневника представляет собой чистовой вариант текста, составленного на основе разрозненных заметок, делавшихся в течение дня⁶.

4 Holdsworth. 1956: 650.

5 Holdsworth. 1956: 650-651.

6 Pepys. 2000: I, CI-CIII (Introduction).

Пипс, хотя и, несомненно, изучал различные мнемотехники в школе и университете⁷, не мог похвастаться хорошей памятью, что его постоянно удручало. Своеобразным подспорьем для него, особенно в вопросах профессиональной деятельности, выступали разнообразные заметки, о чем в дневнике сохранилось немало записей:

Домой, в контору, где допоздна провозился весь вечер, делая на память записи в тетрадь обычным почерком⁸ о наших последних встречах с Каркассом⁹; ... и затем мы с У. Хьюэром отправились в «Кока», и там мы с ним пообедали наедине и с большим удовольствием, он читал мне для памяти (for my memory's sake) мои последние подборки по истории военного флота, чтобы я мог представить их герцогу Йоркскому¹⁰.

Помимо дневника он вел несколько разных блокнотов с записями. Большая часть из них не сохранилась и по названиям некоторых из них сейчас сложно догадаться, какого рода записи в них заносились. Например, несколько раз в дневнике упоминается *by-book*, «часть второго журнала», записи из которой он переносил в свой дневник (24.01.64). Некоторые блокноты были связаны с его личными интересами: в песенник он переписывал понравившиеся слова и мелодии (24.11.1660; 15.11.1665), в «тетрадь наблюдений» — интересные физические опыты, о которых читал или которые пробовал проводить сам (16.08.1664; 3.10.1664), в «тетрадь историй» (*book of tales, book of stories*) — услышанные анекдоты и остроумные высказывания, а то и целые беседы (24.10.1663;

7 Пособие Холдсуорта появилось в конце 1640-х гг., а в 1650 г. Пипс поступил в Кембриджский университет. По всей видимости Пипс был одним из первых студентов, кто ознакомился с этим наставлением.

8 У Пипса — *longhand*, который он отличает от *shorthand* — стенографии, при помощи которой был записан дневник.

9 *Pepys*. 2000: VIII, 187. (26.04.1667).

10 *Pepys*. 2000: IX, 506. (2.04.1669).

3.12.1663; 28.03.1664; 4.03.1667). Другие были частью повседневных практик упорядочивания собственных дел — книга счетов, куда он заносил доходы и расходы, или письменники, куда Пипс копировал написанные им письма (01.07.1667)¹¹. Хотя границу между «частными» бумагами и «деловыми» провести трудно (тот же дневник содержит очень много информации о работе, среди писем сохранились и дружеские, и сугубо деловые), большинство блокнотов имели своей целью помощь в выполнении должностных обязанностей. В дневнике Пипс упоминает несколько записных книжек (тетрадей срочных/важных дел — *book of memorandums* (2.02.1663; 15 и 16.12.1663; 25.02.1668)), в большинстве случаев имея в виду то, что сейчас известно как «Белая книга флота» (*Navy white book*)¹² или ее черновые варианты; «рабочий ежедневник» (*my office day-book* (8.04.1664)) и отдельный блокнот, посвященный работе в Комитете по Танжеру (*Tangier book* (13.12.1666), вероятно то же, что он называет «Танжерскими счетами»), «карманный рыночный блокнот» (*my little pocket market book of the office* (18.11.1667), вероятно содержавший записи о ценах на закупаемую для флота провизию,¹³ «карманную тетрадку выписок из контрактов» (*my little abstract pocket book of contracts* (16.05.1662; 26.07.1667; 24.11.1667;

11 Одна из таких тетрадей, содержащая записанные стенографией копии его «официальных писем» за 1662-1679 ныне хранится в Морском музее Гринвича: **Pepys.1662-1668.**

12 Был и документ, также именуемый *memorandum book*, который вели клерки Пипса в офисе, сохранившийся среди документов Военно-морского ведомства. **Conclusions and Memorandums.** Также 20.06.1662 г. Пипс записал в дневнике, что ему нужна и личная записная книжка такого же рода. По всей видимости она начал ее вести, но она не сохранилась. «Белая книга флота» (*Navy white book*) была начата только весной 1664 г. Возможно, таким же образом именовались и иные записные книжки и журналы.

13 **Pepys. 2000: VIII, 537. n.1 (18.11.1667).**

27.11.1667 и др.)). Из всего этого сохранилась только «Белая книга флота» с личными заметками о работе Военно-морского ведомства и особенно решений коллег, которые Пипс не одобрял, она охватывает период с 1663 по 1672 годы.¹⁴ Однако в дополнение ко множеству копий документов и разрозненных заметок (только в коллекции Роулинсона в Бодлеанской библиотеке насчитывается 27 томов с личными и рабочими бумагами Пипса¹⁵), все эти блокноты, даже если они велись не одновременно и не длительный срок, показывают, частью какой колоссальной повседневной «бумажной» работы по собиранию, сортировке, копированию информации был его «Журнал».

В дневнике можно встретить немало замечаний о том, какую помощь в этом оказывали разнообразные заметки, служившие не столько как резервуар памяти, где те или иные новости сохранялись для будущего использования, сколько как один из внешних факторов, запускающий процесс вспоминания того, что хранится в памяти и последующие размышления: «Встал рано утром и пошел в свой кабинет, перечитывать все наши служебные письма, которые мы писали с тех пор, как я поступил на флот, чтобы восстановить в памяти весь ряд вопросов и внести в рукопись те из них, которые необходимы и имеют большое значение»¹⁶. Именно по этой причине многочисленные и разнообразные заметки помогали в ведении повседневных дел. В особенности это касалось возросшего потока новостной информации, который отмечали многие современники Пипса. Еще в начале столетия

14 Navy white book. Pepys Library, Magdalene College, Cambridge. PL2581. **Samuel Pepys**. 2019.

15 Pepys' Papers. Rawlinson Manuscripts, Bodleian Library, Oxford MSS Rawl. A. 170-195[A].

16 **Pepys**. 2000: IV, 190. (22.06.1663).

Роберт Бёртон в знаменитой «Анатомии меланхолии» красноречиво описывал ошеломляющее количество новостей, при том, что сам он, ведя уединенный образ жизни в Крайст-Чёрч-колледже Оксфорда, подобно «Демокриту в его садике», считал себя лишь безучастным зрителем происходящего:

Что ни день, я слышу новые вести — обычные слухи о войне, бедствиях, пожарах, наводнениях, грабежах, убийствах, резне, метеорах, кометах, привидениях, чудесах, призраках, захваченных селениях или осажденных городах во Франции, Германии, Турции, Персии, Польше и прочее, что ни день сообщают о смотрах, победах, приготовлениях к новой войне и тому подобном, чем так богаты наши времена, о разыгравшихся баталиях и множестве павших на поле боя, о поединках между храбрейшими войнами двух армий, кораблекрушениях, пиратствах и морских сражениях, перемириях, коалициях, всякого рода маневрах и новых призывах к оружию. Смешение бесчисленных клятв, ультиматумов, помилований, указов, прошений, тяжб, ходатайств, законов, воззваний, жалоб, обид — мы слышим об этом каждый Божий день. И что ни день, то новые книги, памфлеты, листки с новостями, истории, целые каталоги всевозможного рода изданий, новые парадоксы, мнения, секты, ереси, философские и богословские диспуты и прочее. То приходят известия о свадьбах, масках, пантомимах, увеселениях, празднествах, прибытии послов, дуэлях и турнирах, подвигах, триумфах, пиршествах, охотах, спектаклях, а то опять словно после перемены декораций, предательства, мошеннические проделки, грабежи, всякого рода чудовищные злодейства, похоронные шествия, погребения, кончины государей, новые открытия, экспедиции, забавное вперемешку с ужасным. Сегодня мы узнаем о назначении новых лордов и должностных лиц, завтра — об опале неких знатных особ, а потом опять о тех, кто удостоился новых почестей; одного выпустили из тюрьмы, другого, напротив, заточили, один — богатеет, другой — разоряется, этот преуспевает, а его сосед становится банкротом, сейчас изобилие, потом вновь нужда и голод, один бежит, другой разъезжает; бранятся, смеются, плачут и прочее. Вот такие новости о делах частных и общественных, и многое еще в таком духе я слышу каждодневно¹⁷.

17 Бёртон. 2005: 78-79.

Хотя Бёртон и описывал события, которые становятся новостями, как что-то неизменно повторяющееся раз за разом, многочисленные культурные изменения раннего Нового времени приводили к тому, что культура новостей делала их все более заметными и постоянно присутствовавшими в поле зрения, в особенности в периоды политической нестабильности, одним из которых был период конца 1650-х — начала 1660-х гг., когда Пипс начал вести свой дневник. Дэниэл Вулф, занимающийся изучением изменений представлений о прошлом и настоящем в английской культуре раннего Нового времени, выделяет из всего XVII столетия 1660-е годы как период, когда события, и, соответственно, новости могли оставаться актуальными максимально длительное время¹⁸. В резко возросшем потоке информации надо было ориентироваться, отличать правдивое от ложного, важное от незначительного, устаревшее от актуального. За новостями не только охотятся, их собирают и архивируют, обращаются к ним снова и снова, поскольку даже старые новости могли неожиданно снова стать значимыми.

При этом раннее Новое время было периодом бурных дебатов касательно сохранения информации. Запоминание превалировало над записыванием еще по меньшей мере до конца XVII века. Одной из центральных идей интеллектуальной культуры Ренессанса было развитие и тренировка памяти в рамках активно развивавшегося искусства памяти, которые становилось все более актуальным по мере увеличения числа циркулирующей информации и развития культуры наблюдения. Память рассматривалась как внутреннее чувство, которое аккумулировало в виде образов информацию, полученную от всех остальных чувств (включая здравый смысл —

18 Woolf. 2001: 96.

sensus communis), для работы воображения и суждения. Искусственная тренировка памяти основывалась на аристотелевском разделении памяти (memoria) — способностью помнить то, что происходило раньше, которой обладают все животные, — и вспоминания (reminscentia) — способностью вспоминать забытое, свойственной людям. Память виделась как хранилище идей и образов, а ее функционирование — зависящим от работы организма. Считалось, что как любая физическая способность, она могла легко быть повреждена травмой или болезнью, но и без того, со временем память «переполняется» и перестает удерживать всю получаемую от органов чувств информацию. До некоторой степени эту проблему предполагалось решать за счет обновления содержащихся в памяти идей при помощи постоянных повторений — проговаривания заученного наизусть, перечитывания, размышлений, возобновления чувственного опыта и т.п.¹⁹ Однако в основном ars memorativa были нацелены на улучшение умения *вспоминать* то, что сохранено в памяти. Этому должны были способствовать разнообразные мнемотехники, а также вспомогательные материалы — упорядоченные диаграммы, рисунки, заметки, индексы и т.п., помогавшими справляться с резко возросшим потоком информации²⁰. Ренессансная традиция также поощряла делать заметки в тетрадах общих мест²¹, в которых следовало сохранять информацию, полученную из разных источников — передавать суть беседы и аргументы диспутов, делать выписки из книг, записывать собственные размышления. Т.е. одновременно

19 Уео. 2020: 59.

20 См. об этом: **Блэр**. 2024.

21 В коллекции манускриптов, собранной Пипсом, сохранилась такая книга, созданная примерно в 1460-1475 гг. Ее оцифрованная версия доступна на портале Cambridge Digital Library: **Commonplace book**.

тренировать свою память в процессе письма и создавать благодаря записям своеобразные «ключи», которые в процессе перечитывания позволят вспомнить больше, чем написано.

Одним из самых известных адептов искусства памяти в Англии 1660-х годов был богослов Томас Фуллер, с которым Пипс был знаком. Фуллер был известен своей прекрасной памятью не только на разнообразные ученые тексты, но и на подробности жизни известных людей, описания биографий и характеров которых он включал в свои работы. Но при этом он весьма скептически относился к некоторым советам, касавшимся тренировки памяти, называя их «трюками». Свои собственные мысли по этому поводу Фуллер изложил в работе «Благодатное состояние и нечестивое состояние» (1642). Поскольку память виделась необходимой составляющей добродетельной жизни, за ее состоянием необходимо было следить. В его идеях, касательно работы памяти не было ничего существенно нового, пожалуй, ключевым моментом, делавшим их интересными, было то, они являлись частью рассуждений о том, какими способами достичь счастливого достойного и добродетельного состояния как в частной (семейной), так и в публичной жизни. Один из первых советов Фуллера гласил, что не надо перегружать ее:

Не перегружай свою память, чтобы не превратить столь верного слугу в раба. Не забывай про уставшего Атласа. Будь не глупее верблюда, чтобы суметь подняться после того, как загрузился доверху. Память подобна кошельку — если ее набить слишком туго, то невозможно будет закрыть, и все просыпется. Остерегайся жадного любопытства ко многим вещам, иначе ненасытность твоей памяти испортит переваривание информации²².

22 Fuller. 1642: 175.

Помимо «хорошей диеты» для памяти, которую каждый должен подобрать себе сам, в зависимости от своих потребностей, Фуллер советовал, во-первых, систематизировать и упорядочивать знания, поскольку «можно унести в два раза больше веса, если все упаковано в свертки, чем когда оно небрежно заброшено на плечи, болтаясь и раскачиваясь»²³. А во-вторых, не следует стремиться запомнить все, но следует «распределять свои знания между памятью и блокнотами с записями», чтобы болезнь не обворовала человека, лишив его всех воспоминаний и оставив банкротом²⁴.

Иан Доналдсон обратил внимание на сходство, между Пипсом и Фуллером — оба обладали неутолимым любопытством в отношении текущих событий и прошлого, использовали систематизацию и распределение, чтобы справиться с большим объемом информации, с которым им приходилось ежедневно иметь дело.²⁵ Эта значимость хорошей памяти в повседневной жизни касалась не только работы. Хотя личный дневник обычно представляется чем-то максимально далеким от офисной документации, тем не менее, записи Пипса свидетельствуют, что для него «Журнал» имел значение в рамках той же культуры эффективной работы памяти. Упоминаний об этом существенно меньше, чем о записях, помогающих в делах, но те, что есть, показывают очевидное сходство в том, как Пипс относился к ведению разнообразных записок. Так, например, в августе 1664 года он записал: «Бегал туда-сюда, выполнив, к моему большому удовольствию, множество поручений, которые лежали бременем на моем уме и

23 Fuller. 1642: 175.

24 Fuller. 1642: 175-176.

25 Donaldson. 2002: 75-76.

памяти»²⁶, а через полтора года дневник упоминается в том же контексте переполненности памяти, препятствующей как мышлению, так и процессам запоминания и вспоминания. Уехав на несколько дней из дома и не имея под рукой своих бумаг, он испытывал опасения, что не удержит в уме все детали прошедших дней, и после возвращения, первым делом сел за дневник:

Встал и сделал все записи в журнал с 28 октября. Я держал в уме отрывки про каждый день, хотя мне стоило немало труда их запомнить. Но я был вынужден к этому, поскольку несколько дней не мог добраться домой, где хранятся все мои тетради и бумаги.²⁷

Особенно поначалу, когда было не вполне понятно, как изменится политическая ситуация в стране, насколько прочной будет восстанавливаемая монархия, и когда сам Пипс получил должность в военно-морском ведомстве, существенно изменившей его статус, круг общения и обязанности, собирание и удержание в голове самой разной информации, включая новости было действительно делом большой важности.

Состояние, в котором оказался Пипс, Томас Фуллер описал как «ненасытность памяти» (*greediness of the appetite of thy memory*), а современные исследователи Энн Блэр и Питер Сталлибрас назвали «информационной жадью» (*info lust*), и оно видится сейчас особенностью нарождающейся культуры современности, связанной со стремлением аккумулировать и сохранять информацию самыми разными способами²⁸. Делать выписки из книг, записывать новости, кратко пересказывать в тексте беседы или проповеди и т.п. — все это, а не только наблюдение было частью бурно развивавшихся в культуре

26 **Pepys.** 2000: V, 249. (22.08.64).

27 **Pepys.** 2000: VI, 295. (10.11.65).

28 **Blair, Stallybrass.** 2010: 143.

раннего Нового времени практик ведения заметок, к числу которых принадлежали и дневники. Документ постепенно превращался в необходимость, от него зависело не только успешное ведение дел, но и самоощущение людей.

«Журнал» Пипса был результатом различных практик целенаправленного собирания информации, а не простого стремления описать собственную жизнь. Его поденные записки — не только важная часть наблюдения за собой и окружающими, но и ключевой элемент практик «охоты за новостями». Существенная часть информации в записях каждого дня касалась не его самого, а того, что происходит в стране, со знакомыми или не знакомыми, но публично известными людьми. Причем это были новости самого разного толка — от политически значимых изменений («В полдень прогуливался в [Вестминстер] Холле, где услышал новость о письме от Монка, который снова отправился в Сити и решил выступить за срочное заполнение вакантных мест в Палате [общин]»²⁹) до разнообразных скандальных происшествий:

Я с Кридом и капитаном Феррерсом отправился в парк. Отлично там прошлись, разговаривая всю дорогу и наблюдая, как люди катаются на коньках. И капитан Феррерс сообщил мне о разных происшествиях при дворе, в том числе о том, как с месяц назад на дворцовом балу у одной из танцующих дам случился выкидыш, но никто не знал, у кого. Кто-то подобрал ребенка, завернув в носовой платок. На следующий день все фрейлины рано утром явились ко двору, чтобы снять с себя подозрение. Так что никто не мог сказать, с кем же произошло это несчастье. Однако, судя по всему, м-с Уэллс почувствовала себя дурно после полудня и с тех пор не показывалась, из чего был сделан вывод, что это была она³⁰.

Дневник не просто репрезентирует практики собирания и обмена информацией (пришел и услышал), но является их

29 Pepys. 2000: I, 50. (11.02.1660).

30 Pepys. 2000: IV, 37. (08.02.1663).

частью, поскольку он, наряду с другими тетрадами, которые вел Пипс, сохраняет эту собранную информацию. В этом смысле он представляет собой часть мужской стратегии поведения — как профессиональной, так и социальной. В него преимущественно попадали новости политического характера, сплетни и слухи о разных людях и содержание бесед. Так, например, запись от 28 июля 1666 года по большей части представляет собой заметки о полученных за день сведений: сначала в таверне «Голова Папы» он обедал с коллегами и пересказал в дневнике беседу, касательно того, что природа создает живым существам зубы определенной формы в соответствии с их рационом питания и возражения против этой идеи, затем отправился в Уайтхолл, но заметил лишь, что «ни каких новостей не было». Касательно следующего пункта своего маршрута — Сент-Джеймского дворца, резиденции верховного адмирала герцога Йоркского — он тоже отметил, что узнал и каких новостей (очевидно — политических или касавшихся его работы) не получил. После этого Пипс отправился с графом Сэндвичем в Хайгейт, и беседу о принципах оптики, которую они вели по дороге туда и обратно, пересказал в дневнике. И лишь визит к лорду Лодердейлу удостоился описания не только содержания беседы, но и «странного музыкального концерта»³¹.

В силу своей работы — и обязанностей, требовавших встреч со многими людьми, и расположения Военно-морского ведомства около Тауэра, на другом конце города от резиденций короля и герцога Йоркского, вдалеке почти от всех значимых центров управления — Пипс очень много передвигался по городу и целенаправленно или случайно встречался со многими людьми, записывая потом в дневнике суть бесед с

31 Pepys. 2000: VII, 223-225. (28.07.1666).

ними, услышанные новости и сплетни. Встретив знакомых в любом из пунктов своего назначения или просто на улице, он часто отправлялся в ближайшую таверну для беседы, к которой нередко присоединялись другие знакомые или незнакомые посетители:

Затем с м-ром Кридом в «Голову короля», где славно пообедали, и после обеда между сэром Томас Уиллисом и другим незнакомцем, Кридом и мной завязалась беседа. Они, не зная о том, кто я есть, говорили об ошибках и коррупции во флоте, о больших тратах на него, что я в конце концов опроверг и вывел их из заблуждения. Они восприняли это очень хорошо, и я надеюсь, это послужит к пользе, ибо оба они члены парламента.³²

Порой он делал такие остановки по 5-6 раз в день. Спонтанность этих посиделок проявляется в том, что из 148 подобных заведений, упоминавшихся в дневнике Пипса, только 17 встречаются в тексте более 10 раз. В ставшем уже классическим исследовании английских кабаков Питер Кларк подчеркивал их роль в социальной жизни различных сообществ, как пространств общения, где могли обсуждаться дела и заключаться сделки, где происходил обмен информацией, обсуждались политические события, формировались социальные ритуалы.³³

Равным образом, Пипс направлялся туда, где можно было услышать самые последние новости или поучаствовать в интересном разговоре. Помимо очевидных визитов с этой целью в основные властные пространства — Уайтхолл, Сент-Джеймский дворец, резиденцию герцога Йоркского, Казначейство и т.п. одним из излюбленных мест для таких вылазок был Вестминстер-холл, расположенный в непосредственной близости от многих политически значимых центров — в

32 **Pepys.** 2000: IV, 37. (08.02.1663).

33 **Clark.** 1983: 2.

первую очередь парламента и Уайтхолла. Время от времени этот зал использовался для судебных заседаний, а в обычные дни был заполнен лавками книготорговцев. В силу этого пространство Вестминстер-холла было местом, где можно было встретить и интересного собеседника или побеседовать с книготорговцами и узнать самые свежие новости и сплетни. Нередко бывая в Вестминстере по делам или специально заглянув туда, Пипс прогуливался, делая несколько кругов по этому залу, и вел беседы:

И отсюда в Вестминстер-холл слушать наше дело, но оно еще не рассматривалось сегодня, так что спустился вниз и там прогуливался в Холме и встретил Нэда Пикеринга, который рассказал мне новости о его племяннике Гилберте, который оказался большим жуликом, затем я взял в оборот м-ра Ивлина с которым прогуливался два часа, почти до часу дня...;³⁴ Оттуда в Вестминстер и прошелся несколько раз по Холлу. Палата [общин] сегодня не заседала и новостей было мало, лишь некоторые разговоры о том, насколько вероятно соглашение между Францией и Испанией, которое чревато для нас неприятностями³⁵.

Другим информационным пространством были появившиеся в Лондоне в 1650-х годах кофейни, о социокультурной роли которых написано немало исследований³⁶. Хотя они также были центрами распространения новостей, кофейни в первую очередь славилась затевавшимися там дискуссиями. Специфика кофейен заключалась в том, что там не продавали алкогольных напитков, но можно было попробовать помимо кофе другие экзотические товары — чай и шоколад, покурить табак и купить различные снадобья. Это отсутствие алкоголя, как считают исследователи, способствовало более

34 Pepys. 2000: VIII, 181. (26.04.1667).

35 Pepys. 2000: VIII, 153. (06.04.1668).

36 См., например: Ellis. 1956; Cowan. 2005; Ellis. 2011. О роли кофейен в формировании читательской аудитории см. также: Алябьева. 2004: 119-132.

серьезным беседам. Брайан Кауан характеризует кофейни как пространство, где люди собирались, чтобы узнать свежие новости и обсудить важные сделки³⁷. Там завязывались дискуссии на самые разные темы от политики (чем прославился республиканский Рота-клуб, собиравшийся «У Майлза», где несколько раз бывал Пипс) до египетских древностей или строения насекомых. Стоил кофе довольно дешево, поэтому в кофейнях собиралась самая разная публика³⁸. Уже в 1660-х годах появилась своего рода специализация кофеен, сблизившая их с развившейся позднее клубной формой общения. В кофейне Ллойда встречались купцы и моряки, занятые в международной торговле (считается, что из этого вырос страховой дом Ллойда), кофейня «У Уилла», рядом с Ковент-Гарденом, была любима литераторами, ее завсегдатаем и душой этой кампании был драматург Джон Драйден, которого Пипс немного знал по Кембриджу. Несмотря на признанную роль кофеен в формировании публичной сферы, они могли рассматриваться и как «частное» пространство для отдыха, бесед с друзьями и соседями. Как и в тавернах, здесь могло собираться частное локальное сообщество, Б. Кауан подчеркивает, что никакого противостояния между «частной» и «публичной» функцией кофеен не было³⁹.

Пипс главным образом выбирал кофейни, где собиралось более ученое общество:

37 Cowan. 2005: 79.

38 Исследователи долго спорили, допускались ли в кофейни женщины. Поводом для дискуссий была «Петиция женщин против кофе» 1674 г. По всей видимости, следует согласиться с Б. Кауаном в том, что формального запрета не существовало, но специфика кофеен и завязывавшихся в них дискуссий практически исключала возможность участия в них женщин. Во всяком случае Пипс как-то раз вывел жену и ее компаньонку в кофейню (30.03.1668).

39 Cowan. 2007: 1183.

В полдень в кофейню, где была превосходная беседа с сэром Уильямом Петти, который предложил рассматривать как весьма спорный вопрос о существовании различия между бодрствованием и сновидением, поскольку сложно не только понять, делаем ли мы нечто в действительности или же во сне, но и выяснить разницу между одним и другим.⁴⁰

Если поначалу он посещал их, как и таверны с большой кампанией, то, примерно с 1663 года стал ходить туда один, чтобы не вести отдельных разговоров между друзьями, но включаться в завязывавшиеся там беседы. Он старательно записывал их содержание, а также новости и услышанные пикантные истории.

Значимость дневника как способа сохранения не просто важных по тем или иным причинам сведений, но ситуаций обмена информацией подчеркивается и тем, что они чаще всего записываются с указанием, от кого и где он их узнал. До середины XVII в., по оценке исследователей, устное и письменное общение оставалось основным каналом передачи новостей, но в условиях резко возросшего (особенно из-за политической и религиозной нестабильности) новостного потока широкая аудитория начала все больше обращаться к печатным материалам как обладающим определенной степенью достоверности. Это способствовало появлению первых периодических новостных изданий. Однако, как отмечал Д. Вулф, печатные и устные источники информации еще не разделились как достоверные (новости) и недостоверные (слухи)⁴¹. Достоверность, как писал в свое время Стивен Шейпин, продолжала коррелировать с социальным статусом информанта, но эта корреляция все больше и больше ставилась под сомнение⁴².

40 Pepsys. 2000: V. 108. (02.04.1664).

41 Woolf. 2001: 102-104.

42 Shapin. 1995.

Стремление по возможности указывать кто и где, при каких обстоятельствах сообщил те или иные сведения демонстрирует важность сохранения не только самих новостей или ученых обсуждений, но и источник той или иной информации, связано с социальной значимостью информационной культуры. Новость сама по себе, как в приводившемся выше цитате о «новости о письме от Монка», появляющаяся в дневнике, это как правило публично известные сведения. В остальных случаях (за одним исключением, о котором пойдет речь ниже) Пипс записывает имя того, кто передал ему ту или иную информацию и ситуацию, в которой это случилось. Но также «анонимные» новости, тем не менее четко привязаны у него к дате и к месту, где они были услышаны.

Новостная культура XVII столетия чаще всего обсуждается в контексте развития печатной прессы — как разовых изданий, вроде памфлетов, новостных листков, так и периодических, чаще всего именуемых новостными книгами из-за формата издания и периодичности раз в одну или две недели⁴³. Потихоньку они начинали вытеснять рукописные сводки новостей, приобретшие популярность с конца XVI века. О последних в дневнике нет информации, но печатные новости Пипс то и дело покупал и читал. К. Лавман обращала внимание на то, что Пипс сам писал сводки новостей для тех, кто был в отъезде⁴⁴. Кроме того среди его бумаг сохранились более поздние рукописные сводки новостей, распространявшиеся в кофейнях, в которых сам Пипс фигурирует в качестве героев одного из слухов.⁴⁵ Однако, основным каналом передачи новостей по-прежнему оставались личные связи.

43 См. каталог ранней британской прессы: **Nelson**. 1987.

44 **Loveman**. 2015: 86.

45 **Two coffee-house manuscript**. 1679.

Новостная культура еще не существовала вне непосредственных отношений между людьми, даже печатные новости создавались на основе передававшейся лично информации и читались как правило в дополнение к сведениям, получаемым через сети самых разнообразных знакомств и родственных связей. Возможность быстро получать разнообразные новости частным путем, а не довольствоваться публично известной информацией была существенной составляющей социального капитала, и, соответственно обмен новостями играл ключевую роль в «социальном траффинге»⁴⁶.

Пипс начал вести дневник в тот период своей жизни, он перестал быть лишь частью домохозяйства своего влиятельного родственника и покровителя Монтегю и получил возможность преуспеть самому в совершенно новой деятельности (в значительной мере именно по этой причине он отказался от места личного секретаря Роберта Даунинга в Казначействе, не дававшего никаких перспектив). Важнейшей составляющей такого успеха было владение информацией, которую за неимением пока еще связей, которые позволяли бы ее получать, Пипсу приходилось собирать самому, действительно охотясь за новостями и слухами. Кейт Лавман прекрасно показала социальную значимость их собирания для Пипса:

Новости, которые Пипс записывал в своем дневнике, могли иметь для него разную ценность. Они могли быть ценны просто потому, что касались близкого человека. Они могли, как, например, новости о перевозках и стоимости товаров, цениться потому, что помогали ему хорошо работать на своем посту. Среди наиболее полезных новостей была информация, которая помогала ему заискивать перед начальством или распознавать новые угрозы во флотской иерархии и при дворе⁴⁷.

46 **Belo.** 2016: 380.

47 **Loveman.** 2015: 90.

Исследовательница продемонстрировала в своей монографии, что собирание не только новостей, но и книг играло важную роль в выстраивании и поддержании значимых социальных связей и целенаправленно использовалось Пипсом с этой целью⁴⁸. Харольд Лав и вовсе называет Пипса неутомимым искателем полезной информации, отмечая, что, хотя он порой любил записать какую-нибудь любопытную сплетню или анекдот ради самой истории, его основной целью было собирание информации о людях, которые могли быть тем или иным образом причастны к выполнению его обязанностей⁴⁹. Таким образом дневник, связанный одновременно с культурой памяти и практиками общения играл важнейшую роль в повседневных стратегиях поведения чиновника — он позволял аккумулировать большое количество новостей и прочей информации, запоминать в процессе переписывания, чтобы потом в нужный момент ее вспомнить.

Однако успех в делах и выстраивании социальных связей определялся не только владением информацией любого рода, в силу чего скандальных сплетен в дневнике так же много, как и других «полезных» новостей, но и пониманием правил, по которым она функционировала в том или ином сообществе. В 1662 году Пипс записал в дневнике свой фрустрирующий опыт чтения недавно опубликованной псевдо-героической сатирической поэмы «Гудибрас» Сэмюэля Батлера⁵⁰, в которой высмеивались пуритане, пресвитериане, круглоголовые и другие группы людей, ассоциировавшиеся с периодом революции и Протектората. Поэма стала невероятно

48 Loveman. 2015: 80-107.

49 Love. 2008: 93.

50 Подробнее об этом см.: Стогова. 2021.

популярной⁵¹, и поскольку все вокруг восхваляли и цитировали «Гудибраса», Пипс также решил ее прочесть, но нашел оскорбительной и совершенно лишенной остроумия. Однако, стремясь стать своим в новом для себя окружении, он несколько раз предпринимает попытки перечитать поэму в надежде понять, за что ее так хвалят:

Это действительно раздражает, быть настолько настроенным против того, что весь свет восхваляет как образчик остроумия; в силу чего я настроен снова его прочесть и увидеть, смогу я счесть его таковым или нет.⁵²

К. Лавман отмечала, что это упорное стремление было обусловлено тем, что книга была в моде, и в среде, в которой вращался Пипс, ее необходимо было знать⁵³. Но, хотя эта история и не имеет прямого отношения к новостной культуре, многократное перечитывание и досада оттого, что он не понимает достоинств поэмы, свидетельствует также о том, что Пипс либо не до конца понимал особенности режима информации, которым определялось в первую очередь политическое придворное сообщество, либо, что более вероятно, подчеркивал в своих записях принадлежность к «серьезным» государственным людям. Поэма была откровенной политической сатирой, популярной среди тех, кто стремился воспользоваться политической конъюнктурой первых лет Реставрации, демонстрируя свою лояльность новому режиму через отсылки к этому тексту, его литературные достоинства или отсутствие таковых имели второстепенное значение. Но такое поведение приветствовалось и было уместным отнюдь не

51 На волне популярности, Батлер написал и опубликовал вторую (1663), а затем и третью (1678) части.

52 *Pepys*. 2000: VI, 35. (6.02.63).

53 *Loveman*. 2015: 39.

езде. Позднее, когда ажиотаж вокруг поэмы утих, Пипс записал, как член Палаты общин Эдвард Сеймур попробовал прибегнуть к этой поэме в споре с флотскими чиновниками по поводу захваченных во время войны с Голландией кораблей, и отметил по этому случаю странность обращения к «Гудибрасу» среди «серьезных» людей:

Но я не мог не думать, о том, что член Парламента в серьезном разговоре перед такими людьми, как мы, милорд Брункер и сэр Джон Миннес, непременно должен цитировать “Гудибраса”, поскольку это книга, которую, я сомневаюсь, он читал чаще всего⁵⁴.

К. Лавман обращает на это внимание в связи с тем, что университетское образование как пример разделяемого джентльменами знания способствовало относительно легкой интеграции Пипса в сообщество людей, занимавшихся управлением флотом, хотя они имели более высокий статус и происхождение⁵⁵. Однако это объяснение представляется недостаточным. Питер Бёрк в своей известной работе «Социальная история знания: от Гутенберга до Дидро» отмечал, что, изучая феномен научной революции раннего Нового времени, нужно учитывать как то, что «знание» не было единым, но разные социальные группы порождали свое знание, так и то, как эти типы знания соотносились и взаимодействовали между собой⁵⁶. Его рассуждения можно отнести и к информационной культуре раннего Нового времени в целом, поскольку в ситуации существенных сдвигов и в социальной структуре и в структуре информационной сообщества определяли себя и через специфические режимы информации — разделяемые практики обмена информацией, критерии ее

54 **Pepys.** 2000: VI, 262. (11.10.1665).

55 **Loveman.** 2015: 60.

56 **Burke.** 2015: 14-17.

оценки, отношение к ее публичному использованию. Эти разные сообщества пересекались и наслаивались друг на друга, как показывает история с «Гудибрасом», отнюдь не сводились к разделению на джентльменов, обладающих определенным разделяемым набором знаний, и всех остальных.

Пипсу приходилось взаимодействовать с очень многими людьми и пытаться вписаться в разные сообщества. До начала ведения дневника он вращался преимущественно в среде родных, прислуги и мелких клерков, но, начав выстраивать собственную карьеру, стал тесно общаться с людьми другого уровня, в первую очередь представителями «среднего класса» — обеспеченными производителями и торговцами Сити, но также и придворными, чиновниками разного уровня, капитанами, учеными-*virtuosi* и аристократами, вплоть до влиятельных политических фигур. Иэн Арчер проанализировал постепенную смену круга общения Пипса, подчеркивая, что такие фигуры, как он были своего рода посредниками между представителями разных кругов, в особенности — двумя довольно обособленными сообществами «двора» и «города»⁵⁷. Особенность положения Пипса Арчер связывает и со спецификой циркуляции информации, поскольку сети его знакомств позволяли ему получать новости и сплетни из очень разных источников. Его новое и, что еще важнее, то и дело меняющееся положение в обществе требовало умения вращаться в разных кругах и само по себе способствовало постепенному изменению его представлений об общении.

Владение разнообразной информацией и умение правильно ею распорядиться также было важной частью

57 Archer. 2000: 84. Арчер составил и таблицу, в которой отражен, распределенный по категориям, социальный статус людей, с которыми общался Пипс (р. 81).

завоевания авторитета в новой среде и в новом статусе. Истории с изменением поведения в отношении кофеев и чтением «Гудибраса» свидетельствуют о стремлении Пипса адаптироваться в новой информационной среде. Он собирал в дневнике не только заметки об обсуждении вопросов политики, этики или науки, но и скандальные истории, вроде выкидыша на балу, о том, как племянник лорда кукарекал за обеденным столом,⁵⁸ или как два придворных поэта бегали ночью без штанов по улицам Лондона⁵⁹, которые потом мог бы пересказать в другом разговоре. По всей видимости, упоминавшаяся в дневнике «Тетрадь историй» служила именно этой цели. Ценность информации, которая заносилась в дневник, определялась не ее достоверностью или значимостью события, с которой она связана, и даже не эксклюзивностью, поскольку как правило он пересказывал новости услышанные от других, но возможностью использовать ее информацию с разными целями — обмениваться ею как ценным товаром, позволяющим приобретать и сохранять разнообразный социальный капитал, выстраивать отношения с разными людьми, основываясь на сохраненных в памяти, благодаря дневнику, сведениях о них, выполнять свои обязанности и преуспеть в этом лучше остальных, понимать, что происходит в стране и какова расстановка сил в политике, для ведения светских бесед и бесед ученых и т.п. И в этом практическом применении был важен не какой-то один тип информации, а их разнообразие, поэтому сплетни и слухи оказывались не менее ценными, чем политические новости или научные открытия.

Эти разные цели были связаны и с тем, что надо было варьировать свое поведение и «переключаться» с одного

58 Pepys. 2000: VIII, 556. (6.12.1667).

59 Pepys. 2000: IX, 335. (23.10.1668).

информационного режима на другой: анекдот о бегавших с голым задом придворных Пипс спустя три дня пересказал своему покровителю графу Сэндвичу в беседе о «печальном положении дел в наше время»,⁶⁰ но он был бы совсем неуместен во многих других беседах. В то же время этот случай, как и история с «Гудибрасом» показывает и то, что основным ориентиром для него все же оставалась университетская, ученая и «деловая» культура, определявшая критерии серьезных бесед и новостей и тех, которые могли служить скорее для развлечения. Не случайно он противопоставляет «серьезных» людей, с которыми не стоит обсуждать эту сатирическую поэму с дурным, на его вкус, остроумием, «всему свету», идущему на поводу у моды. Еще одним следствием того, что отбор новостей, попадавших в дневник, и отношение к ним определялись специфическим, характерным для мужской деловой культуры режимом информации, является игнорирование Пипсом женских сплетен несмотря на то, что новости, которые мы сейчас могли бы назвать сплетнями, сообщавшиеся мужчинами, хоть и вызывали у него иронию, но старательно записывались. Как показывает дневник Пипса и многие другие документы раннего Нового времени, для выстраивания и поддержания нужных связей они были куда ценнее публичных, известных многим новостей.

Сплетничающие женщины выступали в качестве воображаемого сообщества, активно критикуемого в различных изданиях XVII века (в том числе в виду коммерциализации и профессионализации новостей и повышавшейся конкуренции в этой сфере), они были постоянным объектом осмеяния в пьесах, памфлетах и сатирических изображениях. В словарях того времени подавляющее число упоминаний

60 Pepys. 2000: IX, 338-339. (26.10.1668).

существительного gossip — это характеристика человека, гораздо реже это слово характеризует сам процесс общения⁶¹. Но как в словарях, так и в дневнике Пипса мы не найдем ни этого слова, ни его синонимов как характеристики самой новости, передаваемого сообщения, которое мы сегодня называем сплетней, хотя с XVII века использовался глагол to gossip, обозначающий досужую бесцельную болтовню о чужих делах⁶². В XVII столетии у существительного gossip и производных от него форм выделялось два на первый взгляд очень разных значения. Основное — это крестный родитель (как мужчина, так и женщина), и, в разнообразных производных от существительного формах — все, что имеет отношение к родам и крестинам⁶³. Другое значение — человек, который разносит сплетни — отсылает почти исключительно к женщинам-сплетницам. Многие исследователи отмечали, что понятие сплетничание (gossiping) в раннее Новое время ассоциировалось преимущественно именно с женским общением и сетью женских социальных связей⁶⁴. Клэр Уолкер отмечала, что на смену позднесредневековому порицанию пустой болтовни (idle talk) вне зависимости от гендера, пришло осуждение женских сплетен⁶⁵. Связь между двумя значениями слова gossip в этих случаях определяется как раз специфическим режимом информации, обусловленным и особой коммуникативной ситуацией — многочасового общения женщин у

61 Здесь и далее информация основана на результатах поиска слова 'gossip' на портале «Lexicons of Early Modern English». **LEME**: 'gossip'.

62 **OED**: 'gossip'.

63 Например: «...вернулся в Вестминстер, как и было уговорено, встретился с женой у м-с Хант, чтобы отпраздновать с ней крестины (to gossip with her). Были только мы и было очень весело. Подарил ей чашку и ложку для крестника моей жены». **Pepys**. 2000: III, 7. (10.01.1662).

64 См. об этом: **Capp**. 2004.

65 **Walker**. 2015: 13.

постели роженицы. Эта «бесцельная» и бесконечная болтовня, не затрагивавшая никаких серьезных вопросов и преимущественно касавшаяся того, что случилось в кругу соседей, родственников и знакомых, ассоциировалась с женским типом общения. Такая специфическая модель обмена информацией за пределами дома хорошо отражена, например в сатирической ксилография 1560-х годов «Балаболство, или несколько видов сплетничания»⁶⁶, которая воспроизводилась и продавалась как минимум до середины XVIII столетия. На ней показаны пространства женского общения в городе, начиная с комнаты роженицы — рынок, пекарня, церковь, река, у которой стирают белье, паб и так далее. Негативные коннотации, которое имело это понятие, было связано с невозможностью контролировать свободу этих женских разговоров («У постели роженицы, где встречаются сплетницы / нам рассказывают отличные истории, / А если они слегка переберут, / Их языки и вовсе не остановишь») и с отсутствием видимой пользы, или даже в ущерб делам («На рынке, где встречаются почтенные домохозяйки / Они как ненормальные будут болтать, / Когда и рынок уже давно закрылся, / Прежде чем пойдут домой», а также с кокетством и фривольностью («В церковь прекрасные леди отправляются / Чтобы подглядеть новые модные фасоны. / А другие иногда идут в церковь, / Дабы продемонстрировать свою дерзость»)⁶⁷.

Среди самой разнообразной информации, которую Пипс собирал в своем дневнике, включая очевидные сплетни обо всяких скандальных историях, за исключением редких случаев не найдется такой, которая была бы отмечена как услышанная от женщины. Изредка он упоминал, что какие-то

66 Tittle-Tattle.

67 Tittle-Tattle.

новости о слугах, родных или соседях ему сообщила жена, но всего несколько раз за все годы ведения дневника указывал, что почерпнул информацию из разговора с какой-либо другой женщиной. Так в июне 1660 года он отмечает историю, которую сложно было пропустить, о том, что «старая леди Миддлсекс обделалась на днях в присутствии короля, что было замечено присутствовавшими»⁶⁸. Она была рассказана ему миссис Тёрнер, супругой лондонского юриста, далекого от придворных кругов, Джона Тёрнера, которую несколько лет спустя назвал «заядлой сплетницей»⁶⁹.

Он не стремился использовать (или по меньшей мере не считал необходимым записывать в дневнике) информацию, полученную от леди Монтегю или других высокопоставленных дам. По всей видимости, это можно соотнести с его общим отношением к женщинам, которых он редко оценивал самостоятельно значимых фигур⁷⁰, и с собственным стремлением как можно меньше впутывать жену в свое общение с коллегами во многом из-за ревности («...там был сэр У. Баттен со своей женой и дочерьми и полковник Тресуэлл и майор Холмс, который, как я почувствовал, был склонен повольничать и сблизиться с моей женой; но я должен это предотвратить»⁷¹). Немаловажно и наблюдение Изна Арчера, что деловых кругах Сити (особенно среди людей не самого высокого статуса) в меньшей степени нежели при дворе было распространено смешанное общение, и женщины реже были посвящены темы мужских дискуссий, а потому не представляли

68 **Pepys.** 2000: I, 181-182. (22.06.1660).

69 **Pepys.** 2000: VII, 121. (10.05.1666).

70 Об этом см.: **Loveman.** 2022: 1221-1243.

71 **Pepys.** 2000: III, 4. (06.01.1662).

для Пипса большого интереса как источники информации⁷². Так или иначе, Пипс, используя только отношения с мужчинами для получения информации и выстраивания полезных связей, явно не до конца представлял себе как было устроено придворное сообщество, в котором связи между женщинами (родственные, патронажные и иные) имели огромное значение как в социальном аспекте, так и с точки зрения передачи информации, в особенности той, которую по каким-то причинам нельзя было передать «официальными» путями⁷³. Если сведения, которые могли распространять женщины, и виделись ему интересными и полезными, он явно не считал их информацией того рода, что стоило сохранять в дневнике. Точнее даже будет сказать, что он не считал необходимым сохранять информацию о женщинах, которые могли что-то ему сообщать. Хотя Пипс по преимуществу игнорирует обычные «бабские толки» о родных и соседях, если они не касаются его самого и его жены, записывая при этом придворные сплетни, это вовсе не означает, что в дневнике вовсе нет информации, которую он мог получать через знакомых женщин и родственниц. Известия, вроде этих — «Покончив с этим отправился домой обедать, и там услышал, что сегодня Пег Пенн вышла замуж, церемония была скромной — никаких друзей, только по два-три родственника с его и ее стороны. Они позаимствовали немало посуды у меня на кухне, чтобы подать обед»⁷⁴ или «Я слышал, что у бедной Митчел умер ребенок»⁷⁵

72 Archer. 2000: 89.

73 Пример этого можно увидеть в работе Анны Серegiной: Серегина. 2021.

74 Маргарет (Пег) Пенн — дочь сэра Уильяма Пенна вышла замуж за сэра Энтони Лоуфера. Pepys. 2000: VIII, 63. (15.02.1667).

75 Элизабет (Бетти) Митчелл была дочерью лавочника и женой кабатчика Майкла Митчелла, владельца таверны «Старый лебедь». 23 апреля она

— Пипс скорее всего получил от жены, которая, в свою очередь, узнала их от других женщин. Но, даже если новость (или сплетня) сама по себе представлялась ему достойной внимания по тем или иным причинам (Пег Пенн, например, была дочерью его коллеги и одного из основных соперников в вопросе продвижения по службе сэра Уильяма Пенна, а Элизабет Митчел — кузиной, дочерью тети Пипса по материнской линии) те личные коммуникации, в которых могло бы иметь значение, кто именно ее сообщил, не представляли интереса для его собственного будущего. Он был заинтересован в том, чтобы налаживать связи с влиятельными торговцами Сити, чиновниками и придворными и уделал внимание тому, что могло способствовать налаживанию этих связей.

Таким образом появление или отсутствие той или иной новости или сплетни, вне зависимости от ее достоверности, а также то, как именно они были записаны, было обусловлено двумя факторами, в каждом из которых важное значение имели гендерные иерархии. Во-первых — сами практики активного документирования, которые Пипсу — выпускнику университета, чиновнику и virtuoso — как и многим другим виделись частью мужской деловой и ученой культуры. «Журнал» (как и другие, более поздние дневники Пипса, существовавшие параллельно с разнообразными тетрадями, куда заносились те или иные сведения) был тесным образом связан с культурой записок, которые представляли собой инструмент работы с информацией — ее накопления, систематизации, сохранения с целью дальнейшего использования. Потребность в нем в значительной мере была обусловлена «ненасытностью памяти» человека, стремящегося выстроить

родила дочь, которую тоже называли Элизабет, но та не прожила и двух месяцев. *Рерис*. 2000: VIII, 277. (18.06.1667).

успешную карьеру и достичь более высокого положения, для чего ему и требовалось принимать во внимание большое количество информации, которую можно было использовать в общении. Безусловно, такой типаж «выскочки из низов» был отнюдь не единственным в культуре раннего Нового времени, кому требовались новости и сплетни. Об этом свидетельствуют и некоторые другие дневники, включая женские. Известные дневниковые записи леди Энн Клиффорд⁷⁶ были частью ее большой работы по собиранию информации, необходимой для успешной борьбы за наследство⁷⁷. Однако в случае с Пипсом ведение записей и собирание разного рода новостей было мужской профессиональной стратегией успеха. Как раз этот, весьма внушительный пласт новостной информации в дневнике Пипса, зачастую не имеющий непосредственного отношения к его биографии, наиболее очевидным образом связан с практической пользой, которую могло принести ведение дневника как подспорья для удержания в голове большого количества разнообразных сведений, представлявших полезные в условиях существенных изменений в его собственной жизни и перемен в стране. Во-вторых, с той же маскулинной культурой деловых кругов Сити были связаны

76 Clifford. 1991.

77 Ее отец Джордж Клиффорд, барон Клиффорд и граф Камберленд (1558-1605) не имел детей мужского пола, титул графа (передававшийся по мужской линии) и земли перешли его младшему брату Френсису. Леди Энн получила титул баронессы Клиффорд, который передавался напрямую наследнику вне зависимости от пола и 15000 фунтов стерлингов. Однако, по инициативе ее матери было начато судебное разбирательство с требованием передать леди Энн все земли Клиффордов на основании того, что не только баронский титул, но и связанные с ним земли должны были передаваться напрямую наследнику любого пола, согласно условиям изначального пожалования земель. Получить земли леди Энн смогла только после смерти сына Френсиса Клиффорда Генри в 1643 году и в силу того, что он не оставил прямых наследников.

и представления о ценности той или иной информации, а также о достойных, эффективных и уместных способах обмена ею. Если он стремился к тому, чтобы наладить общение с придворными и высшими чиновниками, собирая и делясь той информацией, которая была востребована в этих кругах, даже если сам не вполне понимал или одобрял эти практики общения, то сведения, которые можно было получить через сети женского общения явно представлялись ему недостойными если не внимания, то запоминания для выстраивания коммуникации. И именно в силу этого его дневник позволяет выявить некоторые социальные и гендерные аспекты информационной культуры раннего Нового времени.

Список источников и литературы

Алябьева. 2004 — Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI-XIX веках. М.: НЛО, 2004.

Бёртон. 2005 — Бёртон Р. Анатомия меланхолии. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Блэр. 2024 — Блэр Э.М. Знать слишком много. Организация научной информации до Нового времени. М.: Litres, 2024.

Йейтс. 1997 — Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская Книга, 1997.

Серегина. 2021 — Серегина А.Ю. Англичанки в Мадриде и Брюсселе XVII века: женский патронат и эмигранты-католики «за морем» // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 29. Москва: ИВИ РАН, 2021. С. 43-87.

Стогова. 2021 — Стогова А.В. Пипс читающий: страсть к книгам в мужском английском дневнике XVII в. // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 29. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 188-242.

Archer. 2000 — Archer I.W. Social Networks in Restoration London: the Evidence from Pepys Diary // Communities in Early Modern England: Networks, Place, Rhetoric / eds. A. Shepard, P. Withington. Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000. P. 76-94.

Belo. 2016 — Belo A. News Exchange and Social Distinction // News Networks in Early Modern Europe / ed. by J. Raymond, N. Moxham. Leiden; Boston: Brill Academic Pub, 2016. P. 375-393.

Blair, Stallybrass. 2010 — Blair A., Stallybrass P. Mediating Information, 1450-1800 // This Is Enlightenment / eds. C. Siskin, W. Warner. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 139-163.

Burke. 2015 — Burke P. Social History of Knowledge from Gutenberg to Diderot. Cambridge: Polity, 2015.

Capp. 2004 — Capp B. When Gossips Meet: Women, Family, and Neighbourhood in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Carruthers. 1990 — Carruthers M. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Clark. 1983 — Clark P. The English Alehouse: A Social History, 1200-1830. L., N.Y.: Longman, 1983.

Clifford. 1991 — Clifford A. countess of Pembroke. The Diaries of Lady Anne Clifford. Wolfeboro Falls: Alan Sutton, 1991.

Commonplace book — Commonplace book and handbook of liturgical music (Use of Sarum). Cambridge, Magdalene College, Pepys MS 1236. University of Cambridge Digital Library. URL: <https://cudl.lib.cam.ac.uk/view/MS-MAGDALENE-PEPYS-01236/1> (29.09.2024).

Conclusions and Memorandums — Conclusions and Memorandums Occasional. The National Archives, Kew. PRO. ADM 106/3520.

Cowan. 2005 — Cowan B. The Social Role of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse. New Haven, L.: Yale University Press, 2005.

Cowan. 2007 — Cowan B. Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses // History Compass. 2007. V. 5. N. 4. P. 1180-1213.

Donaldson. 2002 — Donaldson I. National Biography and the Arts of Memory: From Thomas Fuller to Colin Matthew // Mapping Lives: The Uses of Biography / ed. by P. France, W. St. Clair. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 67-82.

Dover. 2023 — Dover P. M. The Impacts of Paper's Abundance, 1450–1650. An Episode in Coevolution // Paper Stories – Paper and Book History in Early Modern Europe / ed. by S. Hufnagel, Þ. Sigurðardóttir, D. Ólafsson. Berlin; Boston: De Gruyter, 2023. P. 47-71.

Ellis. 1956 — Ellis A. The Penny Universities. A History of the Coffee Houses. L.: Secker & Warburg, 1956.

Ellis. 2011 — Ellis M. The Coffee House: A Cultural History. L.: Orion Publishing, 2011.

Fuller. 1642 — Fuller T. The Holy State and the Profane State. Cambridge: Printed by Roger Daniel, 1642.

Holdsworth. 1956 — Holdsworth R. Directions for a student in the Universitie // Fletcher H. F. The intellectual development of John Milton. Urbana: University of Illinois Press, 1956. Vol. II. P. 623-664.

LEME — Lexicons of Early Modern English. URL: <https://leme.library.utoronto.ca> (29.09.2024).

Love. 2008 — Love H. Gossip and Biography // Writing lives: biography and textuality, identity and representation in early modern England / eds. K. Sharpe, S.N. Zwicker. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 91-104.

Loveman. 2015 — Loveman K. Samuel Pepys and his books: reading, newsgathering, and sociability, 1660-1703. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Loveman. 2022 — Loveman K. Women and the History of Samuel Pepys's Diary // The Historical Journal. 2022. Vol. 65. № 5. P. 1221-1243.

Nelson. 1987 — Nelson C. British newspapers and periodicals, 1641-1700: a short-title catalogue of serials printed in England, Scotland, Ireland, and British America. N. Y.: Modern Language Association of America, 1987.

OED — Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (29.09.2024).

Pepys. 1662-1668 — Pepys S. Letterbook of the official correspondence of Samuel Pepys, 1662-1668 (copies). The National Maritime Museum, Greenwich. NMM. LBK/8

Pepys. 2000 — Pepys S. The Diary of Samuel Pepys /ed. by R. Latham, W. Matthews. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000. Vol. I-IX.

Samuel Pepys. 2019 — Samuel Pepys and the Second Dutch War: Pepys's Navy White Book and Brooke House Papers. Samuel Pepys and the Second Dutch War / ed. by R. Latham. N. Y.: Routledge, 2019.

Shapin. 1995 — Shapin S. A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England: Science and its conceptual foundations. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Tittle-Tattle — Tittle-Tattle; Or, the several Branches of Gossiping. The British Museum, London. 1973, U.216. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1973-U-216 (29.09.2024)

Two coffee-house manuscript. 1679 — Two coffee-house manuscript news-letters, the second written by one named Mason, containing the fictitious story of Pepys being repulsed on going to the King at Windsor, 6 and 8 Sep 1679. The Bodleian Library, Oxford. MS. Rawl. A. 188, fols. 93, 95.

Walker. 2015 — Walker C. Whispering Fama: Talk and Reputation in Early Modern Society // Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe. Fama and Her Sisters / eds. H. Kerr, C. Walker. Turnhout: Brepols Publishers, 2015. P. 9-35.

Woolf. 2001 — Woolf D. News, History and the Construction of the Present in Early Modern England // The Politics of Information in Early

Modern Europe / eds. by B. Dooley, S. A. Baron. L.; N. Y.: Routledge, 2001. P. 80-118.

Yeo. 2020 — Yeo R. Media and Technology: Notes, Memory and Recollection // Cultural History of Memory / ed. by M. Tamm, A. Arcangeli. Volume 3. In the Early Modern Age. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2020. P. 57-75.

REFERENCES

Aliabieva, Lyudmila. *The Literary Profession in England in the 16th-19th Centuries*. Moscow: New Literary Review, 2004. (In Russian)

Archer, Ian W. "Social Networks in Restoration London: The Evidence from Pepys Diary." In *Communities in Early Modern England: Networks, Place, Rhetoric*, edited by A. Shepard, P. Withington, 76-94. Manchester; N. Y.: Manchester University Press, 2000.

Belo, André. "News Exchange and Social Distinction". In *News Networks in Early Modern Europe*, edited by J. Raymond, N. Moxham, 375-393. Leiden; Boston: Brill Academic Pub, 2016.

Blair, Ann M. *Too Much to Know. Managing Scholarly Information before the Modern Age*. New Haven; London: Yale University Press, 2010.

Blair, Ann M., Stallybrass, Peter. "Mediating Information, 1450-1800". In *This Is Enlightenment*, edited by C. Siskin, W. Warner, 139-163. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Burke, Peter. *Social History of Knowledge from Gutenberg to Diderot*. Cambridge: Polity, 2015.

Capp, Bernard. *When Gossips Meet: Women, Family and Neighbourhood in Early Modern England*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

Carruthers, Mary. *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Clark, Peter. *The English Alehouse: A Social History, 1200-1830*. L., N.Y.: Longman, 1983.

Cowan, Brian. "Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses." *History Compass* 5, no 4 (2007): 1180-1213.

Cowan, Brian. *The Social Role of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse*. New Haven, L.: Yale University Press, 2005.

Donaldson, Ian. "National Biography and the Arts of Memory: From Thomas Fuller to Colin Matthew". In *Mapping Lives: The Uses of Biography*, edited by P. France, W. St. Clair, 67-82. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2002.

Dover, Paul M. "The Impacts of Paper's Abundance, 1450–1650. An Episode in Coevolution". In *Paper Stories — Paper and Book History in Early Modern Europe*, edited by S. Hufnagel, Þ. Sigurðardóttir, D. Ólafsson, 47-71. Berlin; Boston: De Gruyter, 2023.

Ellis, Aytoun. *The Penny Universities. A History of the Coffee Houses*. L.: Secker & Warburg, 1956.

Ellis, Markman. *The Coffee House: A Cultural History*. L.: Orion Publishing, 2011

Love, Harold. "Gossip and Biography". In *Writing lives: biography and textuality, identity and representation in early modern England*, edited by K. Sharpe, S.N. Zwicker, 91-104. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008.

Loveman, Kate. "Women and the History of Samuel Pepys's Diary." *The Historical Journal* 65, no. 5 (2022): 1221-1243.

Loveman, Kate. *Samuel Pepys and his books: reading, newsgathering, and sociability, 1660-1703*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Seregina, Anna. "Englishwomen at Madrid and Brussels in the 17th Century: Women's Patronage and English Catholic Exiles Overseas." In *Adam & Eve. Gender History Review* 29 (2021): 43-87. (In Russian)

Shapin, Steven. *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England: Science and its conceptual foundations*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Stogova, Anna. "Pepys Reading: Passion for Books in an English Man's Diary of the 17th Century". In *Adam & Eve. Gender History Review* 29 (2021): 188-242. (In Russian)

Walker, Clair. "Whispering Fama: Talk and Reputation in Early Modern Society". In *Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe*, edited by H. Kerr, C. Walker, 9-35. Turnhout: Brepols Publishers, 2015.

Woolf, Daniel. "News, History and the Construction of the Present in Early Modern England". In *The Politics of Information in Early Modern Europe*, edited by B. Dooley, S. A. Baron, 80-118. L.; N. Y.: Routledge, 2001.

Yates, Frances A. *The Art of Memory*. London: The University of Chicago Press, Routledge and Kegan Paul Ltd, 1966.

Yeo, Richard. "Media and Technology: Notes, Memory and Recollection". In *Cultural History of Memory*, edited by M. Tamm, A. Arcangeli. Volume 3. In the Early Modern Age, 57-75. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2020.